Оригинальная статья

УДК 343.85

Общее и частное предупреждение преступлений: телеологический контекст

Константин Викторович Корсаков
Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)
korsakovekb@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2967-9884

Аннотация

Введение. В научной статье рассматриваются актуальные для криминологии и уголовно-правовой доктрины проблемы общей и частной превенции преступлений в контексте их законодательного целеполагания. Отмечается несовершенство существующих законодательных формулировок целей общего и специального предупреждения и предлагаются направления его преодоления. Выделены основные средства достижения и критерии эффективности общего и частного предупреждения преступного поведения в пенитенциарной практике и в процессе законодательной пенолизации. Изучены дискуссионные вопросы соотношения общей и частной превенции, а равно т.н. «юридического» исправления как целей уголовного наказания. **Методы исследования.** Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных (обобщение, методы индукции и дедукции, анализ и синтез) и частнонаучных методов (историко-правовой и документарный – анализ текстов нормативных правовых актов и пр.). **Результаты.** Результаты проведенного исследования имеют теоретическую значимость, так и выражены в форме конкретных законодательных предложений и рекомендаций. Предлагается изменить содержание ч. 2 ст. 43 УК РФ: исключить из него слово «новых» и изложить его в части, касающейся общей и частной превенции, следующим образом: «*…предупреждение совершения преступлений осужденным и другими лицами*». Ввиду выявленного противоречия аргументировано предложение об исключении из формулировки ч. 2 ст. 43 УК РФ слова «применяется» и изложении нормы права в указанной части статьи посредством слов «*целями наказания являются…*». **Заключение.** По результатам проведенного исследования автор пришел к выводу, что в едином многоступенчатом процессе достижения целей уголовного наказания общее и частное предупреждение должны дополнять друг друга и сочетаться на равноправных и компромиссных началах, деятельность по одновременной реализации данных базовых целей наказания составляет ядро – являющейся частью общей системы предупреждения преступности системы уголовно-правовой профилактики наиболее общественно опасной формы социальной девиации – преступного поведения.

Ключевые слова

предупреждение преступлений, борьба с преступностью, уголовное наказание, цели наказания, исправительное воздействие на преступников

Для цитирования: Корсаков, К. В. (2026). Общее и частное предупреждение преступлений: телеологический контекст. *Российский девиантологический журнал*, 6 (3), 526–537.

© Корсаков К. В., 2026

Original paper

General and specific crime prevention: a teleological context

Konstantin V. Korsakov
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)
korsakovekb@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2967-9884

Abstract

Introduction. This paper examines issues relating to general and specific crime prevention – which are of current relevance to criminology and criminal law doctrine – in the context of their legislative objectives. The article highlights the shortcomings in the existing legislative wording of the objectives of general and specific deterrence and proposes directions and ways to address them. It identifies the main means of achieving general and specific deterrence of criminal behavior, as well as the criteria for their effectiveness, in prison practice and in the process of legislative criminalisation. Controversial issues concerning the relationship between general and specific prevention, as well as so-called 'legal' rehabilitation as objectives of criminal punishment, are examined. ***Research methods.*** The methodological framework of the study comprised a combination of general scientific methods (generalisation, induction and deduction, analysis and synthesis) and discipline-specific methods (historical-legal and documentary analysis – analysis of the texts of statutory instruments, etc.). ***Results.*** The findings of this study are of theoretical significance and are also reflected in specific legislative proposals and recommendations**.** It is proposed to amend the content of Part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation: to remove the word 'new' from it and to reword the section relating to general and specific prevention as follows: "…the prevention of offences being committed by convicted persons and other individuals". Furthermore, in view of the identified contradiction, a proposal has been put forward to remove the word 'applies' from the wording of Part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation and to reformulate the legal provision in that part of the article using the words "the aims of punishment are…". ***Conclusion.*** Based on the findings of this study, the author has concluded that, within a unified, multi-stage process of achieving the objectives of criminal punishment, general and specific deterrence must complement one another and be combined on an equal footing and through compromise. Efforts to simultaneously achieve these fundamental objectives of punishment form part of the overall system of crime prevention – a system of criminal law-based prevention of the most socially dangerous form of social deviance: criminal behavior.

Keywords

crime prevention, fight against crime, criminal punishment, aims of punishment, correctional effect on offenders

For citation: Korsakov, K. V. (2026). General and specific crime prevention: a teleological context. *Russian Journal of Deviant Behavior,* 6 (3), 526–537.

Введение

Проведенное исследование преследовало цель выяснения специфики и возможностей превентивного воздействия на преступное поведение в ракурсе целевых установок уголовного наказания. Его новизна и оригинальность определяются установлением многоступенчатой диалектической связи между общим и частным предупреждением, позволившей

рассмотреть деятельность по одновременной реализации данных базовых целей наказания как часть общей системы предупреждения преступности – системы уголовно-правовой профилактики наиболее общественно опасной формы социальной девиации – криминального поведения.

Общее предупреждение (генеральная превенция) и частное предупреждение (специальная превенция) представляют собой два взаимосвязанных аспекта, модуса предупредительной функции наказания, которая непосредственно направлена на предотвращение преступного поведения в обществе. В российском уголовном законодательстве эти форматы предупредительной активности нашли отражение в ч. 2 ст. 43 УК РФ: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». Между тем важно обратить внимание на несовершенство указанной формулировки: в ней цель общей превенции слита воедино с целью частной превенции – они обозначены в тексте закона как «предупреждение совершения новых преступлений», что и в уголовно-правовой доктрине, и на практике порождает сложности в понимании, трактовке и толковании.

Для большинства юристов и ученых-криминологов очевидно, что здесь имеется в виду предупреждение совершения новых преступных деяний как самим осужденным, так и третьими лицами (Южанин, 2013). Они солидарны в том, что был применен концептуальный подход, аналогичный содержащемуся в ч. 1 ст. 1 УИК РФ, в которой закреплено, что уголовно-исполнительное законодательство имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, и использованный в ч. 2 ст. 3.1 КоАП РФ, в которой установлено, что административное наказание применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. Заметим, что эта норма административного права более конкретна и ясна, чем уголовно-правовая; в ней, помимо этого, слова «в целях», а не «с целью» прямо указывают на то, что в тексте закона ведется речь о двух отдельных целях – генеральной и специальной превенции, как некогда в ст. 20 УК РСФСР 1960 г.

Изложение целей общей и специальной превенции в УК РФ неидеально еще и потому, что предупреждение, о котором в нем ведется речь, затрагивает не только совершившего преступление и наказываемого во избежание совершения им новых деликтов, и не только индивидов, ранее допускавших правонарушения и не понесших за них наказаний, но и людей, которые преступлений никогда не совершали и даже не планировали совершать. Большинство таких людей не совершают преступления не из-за страха перед наказанием, а в силу своих моральных убеждений и воспитания. Однако и в их жизни возникают сложные ситуации и обстоятельства, провоцирующие совершить преступление, и тогда на помощь нравственным установкам и убеждениям приходит общепредупредительное воздействие уголовного наказания, дополняя их и усиливая останавливающий эффект, укрепляя нуждающееся в поддержании в том числе и за счет норм уголовного права чувство уважения к закону. Как писал В. С. Трахтеров (Трахтеров, 1955), они также являются адресатами данных правовых норм, включая лиц, в целом соблюдающих закон, но способных совершить неосторожное преступление ввиду легкомыслия (самонадеянности) или небрежности, и людей, которые способны пойти на преступление при ослаблении предупредительного воздействия либо в силу стихийных криминогенных событий. Хрестоматийными стали примеры, когда массовые забастовки полицейских в США моментально приводили к всплеску преступности, когда после полного отключения электричества в Нью-Йорке в ночь с 13 на 14 июля 1977 г. в начавшихся грабежах, кражах, разбоях и поджогах приняли участие свыше 100 000 человек, среди которых оказалось много «добропорядочных» американцев. По этой причине слово «новые» представляется нам не совсем уместным.

В контексте общей превенции в отношении воспитательно-профилактической силы и назидательно-поучительного примера назначенного преступнику конкретного наказания оно выглядит вполне естественно (все следующие за ним по времени преступления будут являться «новыми»), но применительно к общепредупредительной угрозе установленного в уголовном законе наказания – нет, так как данная угроза касается абсолютно всех преступлений, не только «новых».

Следует отметить: в среде криминологов-позитивистов (особенно среди тех, кто развивает традиции, заложенные Ф. фон Листом) существует мнение, что многие так называемые случайные преступники, которых эти ученые относят к классу законопослушных граждан, совершивших преступление ввиду случайного стечения обстоятельств, не нуждаются ни в исправлении, ни в частной превенции и, следовательно, в реальной (не условной) мере наказания, так как относятся к разряду обычных людей, не представляющих общественной опасности и не проявляющих антисоциальной девиации в поведении.

Убеждены, что преступные деяния, включая неосторожные, не совершаются случайно (за случай, как известно со времен римского права, никто уголовной ответственности не несет – «casus a nullo praestantur»), и любое, даже неосторожное преступное деяние характеризуется отсутствием должного самоконтроля, необходимой внимательности и дисциплины, относящимся к изъянам и дефектам сознательно-волевой сферы личности. Поэтому такие преступники тоже нуждаются в коррекции их сознания и исправительном воздействии, не столь интенсивном, конечно, как убежденные преступники-рецидивисты. Разделение же людей на добропорядочных и недобропорядочных (честных и нечестных, нравственных и безнравственных, общественно опасных и общественно безопасных, добрых и злых, преступников и непреступников и т. д.) носит условный характер, так как все люди способны меняться в ту или иную сторону и сочетают в себе самые разные черты характера. Преступление же – релятивное понятие, конструирующееся политиками и правоведами, о чем говорил еще К. Маркс: «Само по себе право не только может наказывать за преступления, но и выдумывать их» (Marx, 1859).

Для подтверждения релятивизма, о котором идет речь, в криминологии и социологии уголовного права часто используется ставший уже классическим пример с дихотомией «шпион–разведчик»: один и тот же человек (и это порождает трудности у представителей позитивизма в криминологической науке с отнесением его личности к какому-либо типу или классу преступников) в одной стране будет считаться героем, награждаться, почитаться и ставиться в пример подрастающему поколению, а в другой стране – считаться наиболее опасным и злостным преступником (в некоторых юрисдикциях подлежащим смертной казни). Криминолог А. М. Яковлев писал, что никаких качественных отличий личности преступника от непреступника не существует (Яковлев, 1985), а Л. В. Кондратюк предлагал вообще отказаться от понятия «личность преступника», так как оно предполагает «априорное существование “личности непреступника” – некой стерильной человеческой категории» (Кондратюк, 2001, с. 85).

На наш взгляд, следует изменить содержание ч. 2 ст. 43 УК РФ и изложить его в части, касающейся общей и частной превенции, следующим образом: «*предупреждение совершения преступлений осужденным и другими лицами*». Закрепление в законе слова «новые» по отношению к профилактируемым преступлениям ведет к умалению превентивной роли уголовного наказания, так как получается, что оно касается лишь повторности преступлений – уголовно-правового и криминологического (фактического) рецидива и рассчитано только на предупреждение новых преступлений с чьей бы то ни было стороны, а не преступлений в целом, т. е. безотносительно уже совершенных.

Желая переформулировать цели наказания в УК РФ, Д. А. Добряков и Т. Ф. Минязева пишут: «Проще всего, как представляется, было бы реализовать в тексте закона утверждение

С. В. Познышева о том, что наказание может иметь своей целью лишь единственное предупреждение новых преступлений…» (Минязева и др., 2017, с. 223), ссылаясь на его труд «Основные начала науки уголовного права». Однако ни в издании 1907 г., ни в издании 1912 г. С. В. Познышев слово «новые» не использует, а говорит о «предупреждении преступлений» (Познышев, 1907; 1912). Подход отечественного классика пенологии и криминологии видится нам точным и подтверждающим наши предложения в порядке de lege ferenda. Заметим, что слово «новые» не употребляется и в тексте ч. 1 ст. 2 УК РФ, в которой в качестве одной из задач УК РФ закреплено «предупреждение преступлений». Его исключение из содержания ч. 2 ст. 43 УК РФ будет способствовать согласованности целей уголовного наказания с задачами уголовного законодательства, необходимость которой диктуется тем, что без сопряжения с целями наказания задачи уголовного законодательства поставлены быть не могут, так как уголовное наказание и иные меры уголовно-правового характера выступают главными и первостепенными инструментами реализации норм уголовного права.

Примечательно: в принятом в 2021 г. Уголовном кодексе Киргизской Республики в ч. 2 ст. 59 закреплено, что «целями наказания лица являются исправление и ресоциализация виновного, предупреждение совершения новых преступлений, восстановление социальной справедливости», тогда как принятый в этом же году Уголовный кодекс Республики Армения отказался от слова «новый» в определении целей наказания. В части 2 ст. 55 данного закона отмечено: «Целью наказания является восстановление социальной справедливости, ресоциализация подвергнутого наказанию лица и предупреждение преступлений». Заметим, что обе эти кодификации, как и многие другие законодательные своды последних лет, при определении целей наказания, в отличие от УК РФ, не используют слово «применяется».

Поскольку в отечественной теории уголовного права применение уголовного наказания чаще всего понимается как деятельность, охватывающая только стадии его назначения и исполнения, но не этап установления наказания в законе (пенализацию), хотя именно с него начинается процесс использования правового института наказания государством и преследования целей наказания, по нашему мнению, из формулировки ч. 2 ст. 43 УК РФ следует исключить слово «применяется» и начать изложение нормы права из этой части следующим образом: «*целями наказания являются…*» (это изменение приведет в соответствие содержание ст. 43 УК РФ с ее названием, которое сформулировано как «Понятие и цели наказания», а не «Понятие и цели применения наказания»).

Если критерием эффективности реализации цели частной превенции является отсутствие рецидива, то в отношении цели генеральной превенции им выступает не только несовершение преступных посягательств, но и динамика преступности, включая изменения ее объема и структуры (значительное снижение тяжести совершаемых преступлений тоже может свидетельствовать об успехах общего предупреждения), уровень законности и правопослушания, уважения к закону, надлежащего исполнения основных и охраняемых уголовным правом правил общежития. Эти показатели могут быть измерены как с помощью криминологической и уголовно-правовой статистики, так и посредством социологических и криминологических методов – опросов, анкетирования, документарного метода, интервьюирования и т. д.

Некоторые авторы предлагают дополнить диспозицию ч. 2 ст. 43 УК РФ такой целью, как воспитание граждан в духе неуклонного соблюдения законов. Мы не поддерживаем такую инициативу, так как считаем, что воспитательное влияние на граждан – это не цель уголовного наказания, а одна из его функций, которая помогает достичь цели превенции наряду с иными видами деятельности (правовым информированием, уголовно-правовой пропагандой и агитацией, уголовно-правовым обучением). В связи с этим считаем верным утверждение о том, что «предупреждение совершения новых преступлений как цель уголовного наказания

достигается путем воспитательно-профилактической работы с лицами, виновными в совершении преступлений, а также путем формирования в обществе уверенности в неотвратимости наказания за совершение преступления»[1].

Воспитательно-психологическое воздействие на население (в отношении правопослушных добропорядочных граждан такое воздействие часто именуется нормостабилизирующим), прежде всего, достигается за счет того, что неукоснительно и безотлагательно следующее за преступлениями уголовное наказание развеивает какие бы то ни было привлекательные, притягательные стороны преступной идеологии, подавляет желания совершить преступление. Важно, что оно укрепляет внутриличностную нравственную аргументацию против любых форм криминальной активности, усиливает моральные запреты и обеспечивает правопослушный образ поведения.

И. В. Шмаров, выделявший в общепредупредительном воздействии наказания мотивационный эффект, удерживающий «неустойчивых» лиц, и воспитательный эффект, выражающийся в выработке «правового убеждения» у остальной части общества, писал, что реализация цели генеральной превенции повышает уровень правосознания населения (Шмаров, 1969). К похожим выводам о том, что наказание обладает общепредупредительным действием трех видов (оно может иметь эффект устрашения, может усиливать моральные запреты и может стимулировать привычное законопослушное поведение) пришел норвежский ученый-криминолог, разработчик пенологической теории удержания И. Анденес (Анденес, 1979).

Мы не разделяем позицию, согласно которой общая превенция не распространяется на людей, подвергнутых наказанию, поскольку в отношении них она не сработала (что повлекло необходимость реализации целей частного предупреждения и исправления). Убеждены: информация о том, что в уголовный кодекс включена новая статья (предусматривающая ответственность за преступление, однородное с совершенными ими, и т. п.) со строгими наказаниями в санкции, или система (перечень) наказаний дополнилась новым видом наказания с большим репрессивным объемом, или параметры уголовной кары (формы, размеры, сроки и пр.) за совершенные наказанными преступления были существенно увеличены, или был отменен мораторий на смертную казнь и т. д., может оказать общепредупредительное воздействие в разной степени и на лиц, подвергнутых уголовному наказанию. Однако не только законодательные изменения детерминируют последнее. Если человек совершил преступление небольшой тяжести и тем самым пренебрег угрозой наказания за него, то это не означает, что угроза гораздо более строгих наказаний за более тяжкие преступления не подействовала (по этой причине отбывающие наказание, например за кражу или побои, не будут совершать убийства и другие особо тяжкие преступления и после назначения наказания, т. е. общепревентивное воздействие на них будет сохранятся).

Доводы, что во все времена существовали и продолжают существовать индивиды, на которых угроза наказания не действует, а преступные деяния в немалом количестве совершаются во всех странах мира, несмотря на установленные за них в законах наказания, не отрицают постановки цели общей превенции, так как в большинстве случаев усредненно рассчитанная на обычных, среднестатистических ординарных людей, не обделенных благоразумием, рассудительностью и здравомыслием, угроза наказания все же действует, а неабсолютная непреодолимость какого-либо препятствия не превращает его в бессмысленное и бесполезное, и если бы уголовные наказания не были установлены в законах, то преступления совершались бы везде в гораздо больших масштабах.

На современном этапе общепревентивный эффект уголовного наказания повысился. Это связано не только с развитием образования и общей культуры населения, но и с экономическими,

[1] Беспалов, Ю. Ф., Беспалов, А. Ю., & Гордеюк, Д. В. (2015). *Правила назначения уголовного наказания: Учебно-практическое пособие для судей* (2-е изд., перераб. и доп.). Проспект. С. 9.

социально-психологическими изменениями: улучшилось качество жизни, разнообразились формы досуга и способы самореализации, усилились самоуважение, осознание собственной значимости и уникальности, чувства собственного достоинства и личной независимости. Эти явления и процессы усиливают нежелание людей подвергнуться уголовному наказанию, особенно связанному с изоляцией от социума: растущая и все более остро ощущающаяся ценность индивидуальной свободы повышает цену такой формы наказания в общественном сознании.

Цель специальной превенции предполагает недопущение повторения криминального поведения со стороны преступника за весь следующий за наказанием период. Встречающееся в литературе ограничение данной цели лишь временем отбывания наказания (Шмаров, 1968) неоправданно, так как не только лишает такой цели все несрочные виды наказания, но и снижает ее предупредительное значение: общество заинтересовано в несовершении преступлений не за какой-то (нередко короткий) промежуток времени, когда осужденный находится под контролем пенитенциарных органов и учреждений, а в течение всей жизни с момента назначения судом любого вида наказания. Однако в XIX–XX вв. выделялась такая цель уголовного наказания, как обезвреживание (физическое, механическое и пр.) или обезоруживание, под которым понималось лишение фактической возможности совершать преступления и которое может быть ограничено по времени – сроком исполнения наказания (данных ограничений не имеют, например, смертная казнь и такие известные истории уголовного права изуверские формы обезвреживания, как ослепление и древнескандинавское наказание «хеймнар» (heimnar) – отрубание рук и ног).

В положениях а. 2 ст. 42 Уголовного кодекса Республики Узбекистан выделена аналогичная цель – воспрепятствование продолжению преступной деятельности. Подчеркнем, что обезвреживание не тождественно частной превенции и не сводимо к ней – оно представляет собой один из элементов специального предупреждения, которое направлено «и на душу, и на тело» наказываемого, т. е. предполагает воздействие как на сознание и психику осужденного, так и на внешние условия и обстоятельства – место нахождения, обстановку, среду и прочие для нейтрализации возможности совершения им преступления.

В настоящее время в российском уголовном законодательстве данная цель обоснованно не отражена: во-первых, она охватывается целью частной превенции, во-вторых, она не может быть распространена на все формы уголовного наказания и касается преимущественно наказаний, связанных с изоляцией от общества (исключениями являются смертная казнь, химическая кастрация и т. п.), причем с большой долей условности, так как совершить преступление возможно и при их отбывании (в отношении других осужденных, персонала либо администрации пенитенциарного заведения или же третьих лиц (например, мошенничество с использованием средств дистанционной связи)). В то же время следует обратить внимание, что сегодня в России используется форма уголовного наказания, которая большей частью направлена именно на лишение осужденного фактической возможности совершать определенные преступления – устанавливаемое на конкретный срок лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Направленность на достижение цели частного предупреждения четко прослеживается в положениях ч. 5 ст. 18 УК РФ, согласно которым рецидив преступлений влечет более строгое наказание: недостаточность первого наказания и отсутствие необходимого результата приводят к усилению повторного наказания. В юридической литературе нередко проводится мысль о бесперспективности применения уголовного наказания, включая лишение свободы, по отношению к опасным и особо опасным рецидивистам, однако криминологические наблюдения говорят об обратном: достигнув определенного возраста (в котором происходит ухудшение

физического здоровья, жизненного тонуса, сопротивляемости негативным условиям внешней среды и т. д.), устав и обессилив от регулярно налагаемого наказания в виде лишения свободы, строгость условий отбывания которого постоянно увеличивается, преступники-рецидивисты часто прекращают совершать преступления («завязывают») и начинают вести законопослушный образ жизни – в этом случае за счет своего многократного применения уголовная кара достигает цели частного предупреждения. Нежелание вновь подвергнуться наказанию может быть усилено и другими факторами. Так, в ходе глубинного интервью преступник-рецидивист заявил: «Я на зону больше не вернусь. Хватит. Устал. У меня внучка растет. Я своих детей почти не видел, так как вся жизнь за решеткой прошла, теперь хочу с внучкой общаться, заботиться о ней»[2].

В формировании условий для реализации цели частного предупреждения важную роль играет градация осужденных к лишению свободы – их разделение на классы в зависимости от их особенностей и характеристик, законодательной основой которого является закрепляющая принцип раздельного содержания осужденных к лишению свободы ст. 80 УИК РФ. Среди методов и средств осуществления такой цели в местах лишения свободы, помимо психолого-педагогических, дисциплинарных мер (применяемых к нарушителям порядка отбывания наказания мер взыскания в порядке ст. 115 УИК РФ) и др., выделяется такой способ организации исполнения наказания, при котором правовое положение осужденного изменяется в сторону увеличения или уменьшения объема прав и обязанностей в зависимости от его поведения в период отбывания наказания. Этот способ получил название прогрессивной системы исполнения наказаний (в законодательстве этот устоявшийся в научной доктрине термин не отражен). Прогрессивная система исполнения наказаний напрямую направлена на стимулирование правопослушного поведения со стороны осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений, также она служит делу их исправления и социальной адаптации.

К числу средств достижения цели специальной превенции можно отнести индивидуализацию наказания, при которой наибольшее значение имеет учет судом формы вины, мотивов и целей совершения преступления, а также особенностей личности подсудимых (наличие либо отсутствие рецидива и пр.), так как одно и то же уголовное наказание в отношении разных категорий преступников действует неодинаково. Частное предупреждение, как и исправление, не может осуществляться в отрыве от личности (заметим, что даже социальная справедливость восстанавливается путем воздействия на личность), однако на практике недопустимы как переоценка личностных свойств и качеств правонарушителя в ущерб оценке совершенного им преступного деяния, так и заострение внимания только на объективных составляющих и вредных последствиях преступления – любые крайности и перекосы в данном вопросе ухудшают предупредительный эффект уголовного наказания.

В отечественной пенологии и науке уголовного права был период, когда цели общего и частного предупреждения противопоставлялись либо одна из этих целей объявлялась приоритетной, превалирующей. Например, М. А. Чельцов-Бебутов умалял значение общепревентивного воздействия уголовного наказания, аргументируя это тем, что действие обращенной ко всем гражданам угрозы наказания «можно установить только путем отвлеченных выкладок в кабинете» (Чельцов-Бебутов, 1926, с. 8). С позиций одинаковой важности рассматривал эти предупредительные цели Г. Ю. Маннс (Маннс, 1926), но впоследствии в советской уголовно-правовой доктрине цель общего предупреждения стала интенсивно разрабатываться – вплоть до того, что некоторые известные советские ученые (И. М. Гальперин, М. А. Ефимов и др.)

[2] Глубинное интервьюирование фокусированного (полустандартизированного) формата, сочетающего элементы структурированного и неструктурированного интервью, проводилось на условиях конфиденциальности в октябре 2025 г. в г. Екатеринбурге.

начали научно обосновывать и оправдывать усиление («накидку») строгости наказания с учетом распространенности определенных преступлений и вследствие этого заслонять задачу частной превенции. На это обстоятельство А. Л. Цветинович отреагировал так: «Нет оснований говорить о примате цели общего предупреждения перед целью специального предупреждения. Более того, есть все основания утверждать, что практически при назначении наказания на первый план выдвигаются его цели, относящиеся к лицу, совершившему преступление: специальная превенция и, особенно, исправление и перевоспитание» (Цветинович, 1989, с. 14). С данным утверждением можно согласиться, так как в нем ведется речь о стадии назначения уголовного наказания, а не стадии его установления в законе, для которой цель общего предупреждения особенно важна.

Цель частного (специального) предупреждения и цель исправления, которая реализуется наряду с первой, близки. Они нередко смешиваются, несмотря на их разграничение в уголовно-исполнительном и уголовном законодательстве. Порой утверждается, что одна из них поглощается другой, как это делает, например, В. А. Толстик, полагающий, что «смысл цели исправления осужденного полностью охватывается целью частной превенции и с этой точки зрения выделение ее в качестве самостоятельной цели является излишним» (Толстик, 2017, с. 145). Исправление нередко объявляется средством достижения цели специального предупреждения (Санташов, 2015; Тагиев, 1989), или частная превенция выдается за задачу в реализации цели исправления (Чернов, 2001).

Полагаем, что их нужно различать и соотносить как программу-минимум (специальное предупреждение) и программу-максимум (исправление). В действующем уголовно-исполнительном законодательстве исправление определяется как формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Очевидно, что такой сложный процесс имеет своим результатом глубокие изменения в сознании, психике и поведении человека, тогда как итог специального предупреждения выражается в отсутствии рецидива преступлений со стороны осужденного. Совершение им в будущем других правонарушений (административных и пр.) и аморальных проступков оказывается за рамками этой цели, однако не за рамками цели исправления.

Частная превенция достигается посредством карательного содержания наказания, вызывающего у осужденного нежелание (боязнь, опасение) вновь ему подвергнуться, лишения или существенного затруднения возможности совершить новое преступление (в частности, при лишении свободы – изоляцией от общества, блокировкой доступа к средствам и орудиям, необходимым для совершения преступления, решением задачи по оказанию помощи в социальной адаптации и пр., при ограничении свободы – запретами не уходить из места постоянного проживания в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах населенного пункта и пр.), раздельного содержания различных категорий осужденных, постоянного надзора, охраны, оперативных мероприятий, дисциплины и регламентации поведения за счет режима в исправительных учреждениях – порядка исполнения и отбывания лишения свободы.

Цель специального предупреждения будет достигнута, если осужденный перестанет совершать преступления только из-за страха снова подвергнуться уголовному наказанию, однако это не будет означать, что внутри, в своей душе, он по-настоящему исправился, изменился нравственно и духовно (точно так же условно-досрочному освобождению от отбывания наказания может быть подвергнут осужденный, который примерно себя вел, не имел взысканий, трудился, загладил вред, причиненный преступлением, и т. д., однако подлинно не исправился. В среде ученых-криминологов такая ситуация известна как «формирование хороших

заключенных, а не хороших людей»[3]. Безусловно, при достижении цели исправления автоматически достигается и цель специального предупреждения, однако достижение последней не может гарантировать реализации цели исправления.

С частным предупреждением в наибольшей степени сближается так называемое юридическое (внешнее, гражданское) исправление, итогом которого являются формальное соблюдение юридических норм и предписаний, правоподчиненность вне зависимости от внутренних, психологических причин и мотивов. Однако формулировка УИК РФ отражает расширенное понимание исправления – она говорит о более трудном в плане достижения нравственном (внутреннем, моральном) исправлении (уже по той причине, что она включает формирование уважительного отношения не только к социальным нормам, но и к традициям, к труду, к обществу и к человеку) – изменении мировоззрения, жизненных идеалов и ценностей осужденных.

Достижение этой цели наказания требует использования большого числа мер исправительно-воспитательного воздействия. К ним относятся средства, связанные с изменениями режима и условий изоляции от общества, с применением мер поощрения и взыскания, с привлечением к труду и развитием творчества, с получением образования, профессиональной подготовкой и возможностью самообразования, с позитивным психологическим и педагогическим влиянием на мировоззрение и поведение осужденных, с их религиозным (духовным) возрождением и др.

Мнение о совпадении сути юридического исправления и частного предупреждения, полное отрицание возможности нравственного исправления осужденных и отмеченная выше неопределенность формулировки целей превенции в ч. 2 ст. 43 УК РФ привели Р. Ш. Уразбаева к выводу о том, что в указанной статье говорится не о специальной превенции, а только о генеральном (общем) предупреждении (Уразбаев, 2017). Однако данный вывод противоречит правовой норме ч. 1 ст. 1 УИК РФ; его признание будет означать, что в ней содержится явная и грубая стилистическая ошибка (тавтология): используя слова «исправление осужденных» и «предупреждение совершения новых преступлений осужденными» законодатель передает идентичную информацию, т. е. повторяет то же самое, только другими словами.

Подводя итог данного исследования, отметим, что в едином многоступенчатом процессе достижения целей уголовного наказания общее и частное предупреждение должно осуществляться сообща, дополнять друг друга и сочетаться на равных и компромиссных началах. Деятельность по одновременной реализации центральных целей уголовного наказания составляет ядро являющейся частью общей системы предупреждения преступности системы уголовно-правовой профилактики наиболее общественно опасной формы социальной девиации – преступного поведения.

Список литературы

Анденес, И. (1979). *Наказание и предупреждение преступлений* (В. М. Коган, пер.; Б. С. Никифоров, ред.). Прогресс.

Кондратюк, Л. В. (2001). *Антропология преступления (микрокриминология)*. НОРМА.

Маннс, Г. Ю. (1926). *Общее и специальное предупреждение в уголовном праве*. Власть труда.

Минязева, Т. Ф., & Добряков, Д. А. (2017). Наказание – не панацея от преступности. *Вестник Томского государственного университета*, (425), 222–227. https://doi.org/10.17223/15617793/425/30

Познышев, С. В. (1907). *Основные начала науки уголовного права. Выпуск первый*. Университетская типография.

[3] Козаченко, И. Я., & Корсаков, К. В. (2021). *Криминология: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета* (2-е изд., испр. и доп.). Юрайт. С. 82.

Познышев, С. В. (1912). *Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права*. А. А. Карцев.

Санташов, А. Л. (2015). О необходимости унификации целей наказания в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. *Вестник института: преступление, наказание, исправление*, (4), 51–56.

Тагиев, М. Н. (1989). *Уголовное наказание в системе мер воздействия на преступность*. ИФиП АН АзССР.

Толстик, В. А. (2017). К вопросу о противоречивости целей и принципов юридической ответственности (наказания). *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*, (6), 143–147.

Трахтеров, В. С. (1955). О задачах наказания по советскому уголовному праву. В *Ученые записки: сборник научных трудов. Выпуск 6* (с. 3–11). Харьковский государственный университет им. А.М. Горького.

Уразбаев, Р. Ш. (2017). О достижимости и приоритетности целей наказания. *Вестник экономики, права и социологии*, (4), 218–225.

Цветинович, А. Л. (1989). *Дополнительные наказания: Функции, система, виды*. Саратовский университет.

Чельцов-Бебутов, М. А. (1926). Специальное и общее предупреждение. *Вестник советской юстиции*, (1), 4–9.

Чернов, А. Д. (2001). *Актуальные проблемы уголовного наказания* [Диссертация доктора юридических наук].

Шмаров, И. В. (1968). Критерии и показатели эффективности наказаний. *Советское государство и право*, (6), 57–64.

Шмаров, И. В. (1969). Эффективность общепредупредительного воздействия наказания. *Советское государство и право*, (11), 98–104.

Южанин, В. Е. (2013). Предупредительные возможности наказания. *Человек: преступление и наказание*, (3), 49–53.

Яковлев, А. М. (1985). *Теория криминологии и социальная практика*. Наука.

Marx, K. (1859, September 16). From population, crime and pauperism. *New-York Daily Tribune*. https://www.marxists.org/archive/marx/works/1859/09/16.htm

References

Andenes, I. (1979). *Nakazanie i preduprezhdenie prestuplenii* (V. M. Kogan, per.; B. S. Nikiforov, red.). Progress.

Kondratiuk, L. V. (2001). *Antropologiia prestupleniia (mikrokriminologiia)*. NORMA.

Manns, G. Iu. (1926). *Obshchee i spetsial'noe preduprezhdenie v ugolovnom prave*. Vlast' truda.

Miniazeva, T. F., & Dobriakov, D. A. (2017). Nakazanie – ne panatseia ot prestupnosti. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (425), 222–227. https://doi.org/10.17223/15617793/425/30

Poznyshev, S. V. (1907). *Osnovnye nachala nauki ugolovnogo prava. Vypusk pervyi*. Universitetskaia tipografiia.

Poznyshev, S. V. (1912). *Osnovnye nachala nauki ugolovnogo prava. Obshchaia chast' ugolovnogo prava*. A. A. Kartsev.

Santashov, A. L. (2015). O neobkhodimosti unifikatsii tselei nakazaniia v ugolovnom i ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, (4), 51–56.

Tagiev, M. N. (1989). *Ugolovnoe nakazanie v sisteme mer vozdeistviia na prestupnost'*. IFiP AN AzSSR.

Tolstik, V. A. (2017). K voprosu o protivorechivosti tselei i printsipov iuridicheskoi otvetstvennosti (nakazaniia). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*, (6), 143–147.

Trakhterov, V. S. (1955). O zadachakh nakazaniia po sovetskomu ugolovnomu pravu. V *Uchenye zapiski: sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 6* (s. 3–11). Khar'kovskii gosudarstvennyi universitet im. A.M. Gor'kogo.
Urazbaev, R. Sh. (2017). O dostizhimosti i prioritetnosti tselei nakazaniia. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, (4), 218–225.
Tsvetinovich, A. L. (1989). *Dopolnitel'nye nakazaniia: Funktsii, sistema, vidy*. Saratovskii universitet.
Chel'tsov-Bebutov, M. A. (1926). Spetsial'noe i obshchee preduprezhdenie. *Vestnik sovetskoi iustitsii*, (1), 4–9.
Chernov, A. D. (2001). *Aktual'nye problemy ugolovnogo nakazaniia* [Dissertatsiia doktora yuridicheskikh nauk].
Shmarov, I. V. (1968). Kriterii i pokazateli effektivnosti nakazanii. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, (6), 57–64.
Shmarov, I. V. (1969). Effektivnost' obshchepredupreditel'nogo vozdeistviia nakazaniia. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, (11), 98–104.
Yuzhanin, V. E. (2013). Predupreditel'nye vozmozhnosti nakazaniia. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, (3), 49–53.
Yakovlev, A. M. (1985). *Teoriia kriminologii i sotsial'naia praktika*. Nauka
Marx, K. (1859, September 16). From population, crime and pauperism. *New-York Daily Tribune*. https://www.marxists.org/archive/marx/works/1859/09/16.htm

Информация об авторе

Константин Викторович Корсаков - старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент.

About the author

Konstantin V. Korsakov – Senior Research Fellow in the Department of Law at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (Jurid.), Docent.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 06.06.2026
Одобрена после рецензирования 08.08.2026
Опубликована 26.10.2026

Submitted June 06, 2026
Approved after reviewing August 08, 2026
Accepted October 26, 2026